

3.1.2. «Верноподданный финн» в русской публицистике XIX в.*

Тимур Гузаиров

В первой главе настоящей книги мы уже обращались к истории инкорпорирования Финляндии в состав Российской империи и описали финскую политику метрополии второй половины XIX в. В начале отношения строились на иных основаниях, и сейчас мы обратимся к идеологическим нарративам первой половины века, чтобы прояснить прагматику образа финна на этом, более раннем этапе.

Как уже упоминалось, согласно Фридрихсгамскому договору 1809 г. вся Финляндия стала частью Российской империи. В марте был собран сейм в городе Борго, на который прибыл Александр I. После торжественной присяги новых подданных русский царь подтвердил в своей речи привилегии, которыми пользовалась Финляндия согласно шведской конституции. Великое Княжество Финляндское, таким образом, получило особый политически-административный статус фактической автономии. «В Статистических очерках России» 1848 г. географ К. И. Арсеньев подчеркнул:

Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндия и Царство Польское суть такие страны, которые обеспечивают нынешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим, не составляют существа Империи [Арсеньев: 25].

Особое положение означенных территорий обусловило конфликтные ситуации (от мирного сопротивления в Финляндии до

* Работа написана при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературах». В основе раздела лежит статья автора: Прагматика образа «верноподданного финна» в идеологических текстах 1809–1854 гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства. Тарту, 2011. С. 349–372.

бунта в Польше) и актуализировало вопрос о путях интеграции этих окраин и ее жителей в общее единое имперское «тело». Вопрос о Великом Княжестве Финляндском осложнялся тем, что оно было обособлено как политически, так и экономически, культурно (не-славяне), конфессионально. Здесь изначально оказывались неэффективными идеологические механизмы, которые пробовали использовать на других окраинах (о попытках ассимиляции, манипуляции конфессиональной политикой см.: [Бовуа; Долбилов]). В этой ситуации повышалась роль официальных и иных идеологических текстов разных жанров¹. Они обеспечивали «идеологическое обоснование <...>, художественное освоение определенного пространства таким образом, чтобы общественное сознание осмысливало это пространство как часть именно “своей”, “национальной” территории» [Миллер: 156].

Наряду с «ментальным» освоением пространства оставался не менее острым вопрос о межэтническом взаимодействии финнов / финских шведов и русских. Как справедливо отметил М. Р. Бейссинджер, «самый важный параметр любой имперской ситуации: восприятие [того], <...> принимается ли политика как “наша” или отвергается как “чужеродная”» (цит. по: [Суни: 35]). Отношения между коренным населением и титульной нацией носили всегда конфликтный характер (который со временем становился более явным), поэтому центральная власть постоянно нуждалась в моделях для благоприятного восприятия финнами русских и наоборот. Тексты по этим моделям должны были создать, согласно мысли М. Лескинен, «“политически корректный” образ “другого” Империи — если

¹ Рассмотрев ситуацию на Правобережной Украине (1793–1830), Д. Бовуа пришел к выводу: «Влиянию польских землевладельцев <...> царские власти могли противопоставить лишь грозные с виду, но плохо исполнявшиеся указы» [Бовуа: 296]. Подчеркнем ту роль, которую, в целом, играли официальные (шире — идеологические) *тексты*: они создавали иллюзию решения проблем и видимость диалога между метрополией и окраиной.

не как “своего”, то, во всяком случае, как “иного”, но не как враждебного “чужого”» [Лескинен: 316].

В фокусе нашей работы — имперские нарративы (официальные документы мы не рассматриваем), созданные в эпоху Александра I и Николая I и описывающие ситуации межэтнических контактов. По нашему убеждению, они определяли «правила» ведения диалога между коренным населением и представителями титульной нации, а также демонстрировали их успешное «функционирование».

Русское общество имело о Финляндии и финнах скорее литературное, чем реальное представление. В «Оде на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» М. В. Ломоносова был дан образ народа, который безропотно покоряется России и боится мести за лояльность шведской власти. Российская власть, напротив, выказывает крайнюю степень милосердия и доброжелательности:

На нивах жатву оставляет
От мести уstraшенный фин,
И с гор, оцепенев, взирает
На дым, всходящий из долин,
На меч, на готов обнаженный,
На пламень, в селах воспаленный; <...>
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит:
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы [Ломоносов: 91].

Однако личный опыт кампании 1808–1809 гг. или службы в Великом Княжестве Финляндском менял в сознании представителей русского просвещенного общества этот сформированный литературой образ. Наиболее ранние из известных нам впечатлений о последней русско-шведской войне были изложены К. Н. Батюшковым в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии» (1809 г.). В первой части сочинения изображена жизнь финнов в древнейшие времена. Образ этих

«диких детей природы», с одной стороны, восходит к литературной традиции, а с другой — имплицитно передает военный опыт автора:

Томимые голодом, нуждою, исполненные мужества, решимости, презирая равно смерть и жизнь, — не знают опасности; в зверском исступлении наполняют криком леса, и эхо повторяет глас их в пространной пустыне [Батюшков: 13].

Литературная фиксация представлений о финнах как о суровых, мужественных, диких людях позволила коснуться болезненной для имперского сознания темы столкновения русских войск с финским партизанским сопротивлением. К этому российское общество начала XIX в. оказалось не подготовлено ни исторически, ни литературно. Участник событий Д. В. Давыдов позднее подчеркнул в «Воспоминаниях о Кульневе в Финляндии» (1838):

Война в Финляндии во время самого разгара своего не обратила на себя взоров ни граждан, ни военных людей. <...> Зато уверенность в незатруднительном завоевании края этого так усилилась, что когда сосредоточенный неприятель напал на разбросанные по kloкам войска наши, **когда вспыхнула война народная**² <здесь и далее выделено мной. — Т. Г.>, когда подвозы с пищею и с зарядами прекратились от набегов жителей, когда пожары разлились по неизмеримому пространству лесов, сквозь которые надлежало нам пробиваться, когда каждый шаг вперед и назад требовал всеминутных жертвований жизни, — **тогда мирные соотечественники наши не хотели верить доходящим до них слухам** и, в заблуждении своем, приглашали нас письмами на веселия столицы и на семейственные удовольствия [Давыдов: 164–165].

Таким образом, ломоносовский образ испуганного финна и представление о быстром покорении Финляндии русским монархом были разрушены. Сомнения в верноподданныхческих

² Ср. с описанием другого участника кампании Ф. В. Булгарина в «Воспоминаниях» (1846–1849): «<...> народная война кипела» [Булгарин: 412].

чувствах финнов и в их вере в благодетельную русскую власть подкреплялись у русских в Финляндии ежедневно.

В 1826 г. была напечатана поэма Е. А. Баратынского «Эда», однако, без эпилога. Полностью она была издана лишь в 1860 г. В эпилоге отразились, по-видимому, впечатления поэта от его службы³:

Ты покорился, край гранитный,
России мочь извдал ты
И не столкнешь ее пяты,
Хоть дышишь к ней враждою скрытной!
Срок плена вечного настал,
Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу [Баратынский: 243].

Точка зрения Баратынского противоречила официальной позиции, которая строилась на развитии идеологических сюжетов о «счастливом» финне⁴.

Отметим, что после окончания войны между Россией и Швецией продолжалась идеологическая борьба, предметом которой были, как им казалось, верноподданнические чувства финнов. Ср. в агентурной записке Булгарина, посетившего Финляндию в 1838 г.:

Вера, язык и образованность связуют Финляндию с Швециею неразрывными узами, и 600 лет составляя один народ, имея одну историю, невозможно в 30 лет забыть все прошлое <...> Швеция <...> беспрерывно напоминает Финляндии прошлое и представляет настоящее в превратном виде [Видок: 454].

Таким образом, перед центральными властями стояла актуальная задача: переосмыслить негативные стороны последней

³ С 1820 по 1825 гг. унтер-офицер Е. А. Баратынский вынужденно находился на службе в Финляндии.

⁴ Вопрос о соотношении реальных впечатлений от посещения или службы в Великом Княжестве Финляндском со стереотипами, с которыми представитель титульной нации туда приезжал, требует специального исследования. Ср. на примере Кавказа: [Sherry]. О своеобразии и новаторстве поэмы «Эда» см. также: [Андреевская].

русско-шведской войны и одержать идеологическую («риторическую») победу в послевоенном противостоянии со Швецией. Ее решению служили демонстрация «счастливых» отношений коренного населения и титульной нации, а также риторика признания финнами превосходства русской власти над шведской в деле благоустройства Великого Княжества Финляндского.

Остановимся в этой связи на поэтике некоторых эпизодов из «Воспоминаний» Булгарина. Автор вынужден признать известный факт времен войны:

Все финские поселяне — отличные стрелки, и в каждом доме были ружья и рогатины. <...> Разъяренная чернь свирепствовала! <...> Все они дрались храбро, и были чрезвычайно ожесточены против русских [Булгарин: 412, 426].

Сопrotивление финнов, проявления жестокости и ненависти автор связывает не с их стремлением к независимости, а с влиянием шведов и с преданностью королю. Не случайно, что Булгарин строит ряд эпизодов при помощи временной рамки: *тогда — сейчас*. Повествуя о своем участии в русско-шведской войне, автор предлагает несколько картин из личного опыта общения с финнами / финскими шведами. Один из рассказов посвящен встрече дочери помещика с русскими офицерами:

Потом, обратясь к дочери хозяина, девочке лет десяти, удивительной красавице, Сабанеев представил ей Штакельберга, прапорщика 3-го Егерского полка, юношу лет семнадцати, также красавчика, и сказал, не угодно ли ей русского жениха. Вообразите наше удивление: девочка побледнела, как полотно, задрожала всем телом и, сжав зубы и грозя кулаком, **сказала по-шведски: «Смерть русскому!»** Отец улыбнулся, а мать поцеловала девочку, и увела в другую комнату. <...> прежняя неприятельница наша, девочка, впоследствии вышла замуж за русского, и теперь русская барыня **говорит хорошо по-русски** и весьма **преданна России!** [Там же: 481].

В фокусе повествования — изображение цивилизующей миссии империи. Булгарин доказывает определенную, в термино-

логии Ю. Остерхаммеля, восприимчивость к влиянию цивилизатора со стороны цивилизуемого. Как каждый считающий себя цивилизатором, он должен был «приписывать цивилизуемым потенциал, который может развиваться, стоит им только предать себя великодушной опеке цивилизаторов» [Вульпиус: 30–31]. Таким потенциалом в болгаринском изложении предстает преданность русскому царю, которая в итоге и привела к личному счастью прежнюю «злую» девочку.

Выбор девушки — русский муж, освоение русского языка, превращение озлобленной девочки в русскую барыню — все эти элементы выстроены в сюжетную цепочку, прагматика которой заключается в демонстрации этнополитического изменения (шведских) финнов: трансформация прошлых врагов России в ее истинных верноподданных. Булгарин, таким образом, констатирует историко-культурную или ментальную победу русского над шведом.

В другом диалоге Булгарин описывает якобы неожиданную встречу в 1840 г. с финским почтмейстером, с которым он познакомился еще во время войны 1808–1809 гг.:

«Скажите по совести, — спросил я старого моего хозяина, — правду ли сказал я тогда в вашем доме, что вам будет не хуже после соединения с Россиею, как было при шведском правлении?» Старик отвечал: «Предсказание ваше сбылось, и мы совершенно счастливы!» [Булгарин: 596].

В приведенных отрывках (независимо от степени достоверности описываемых событий) преломляются как черты реальной, так и «идеальной» картины происходящего в Финляндии. Булгарин описывает Великое Княжество Финляндское подобно тому, как он уже описывал Ливонию — как мир «“другой” <...> не всегда симпатичный, но все же <уже> — Т. Г.> как “свой”» [Киселева 2006: 125], тем самым подчеркивая преодоление дистанции. Его текст, таким образом, переосмыслил негативный исторический опыт и вписывал представления о финнах как о «диком» народе завоеванной окраины в развертывающуюся имперскую цивилизаторскую модель.

То, что действительное отношение к русским оставалось сложным, Булгарину было отлично известно, ср. начало его агентурной записки: «У нас несправедливо думают, будто Финляндия совершенно довольна и почитает себя счастливою» [Видок: 454]. 4 марта 1844 г. П. А. Плетнев в письме к ректору Гельсингфорского университета Н. Урсину определил первостепенную общественно-политическую задачу следующим образом:

<...> уничтожить народные предрассудки, старинную недоверчивость между нациями и соединить их общим стремлением к обрабатыванию общей истории и литературы. Показывая друг к другу уважение, мы всем даем чувствовать, что понимаем друг друга и всех равно приглашаем в союз нашего братства (цит. по: [Бородкин 1915: 554]).

В интеграционной политике значительная роль отводилась литературе. Министр и статс-секретарь Великого Княжества Финляндского гр. А. Г. Армфельд выдал Ф. Дершау 1500 руб., и это пособие было использовано при создании «Финского вестника». Журнал издавался с 1845 по 1847 гг., затем был преобразован в «Северное обозрение», которое выходило до 1855 г. Он состоял из шести разделов: «Северная словесность», «Северная история», «Нравописатель», «Науки и художества», «Библиография», «Смесь»⁵.

В разделе «Северная словесность» первого номера «Финского вестника» была опубликована программная повесть Н. В. Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии при Петре Первом». В основе повести лежит традиционная «финская» фабула о завоевании героем руки возлюбленной. Здесь достаточно вспомнить сюжет о Финне в пушкинской поэме «Руслан и Людмила», о котором речь шла выше в связи с трилогией Шаховского. Кукольник создает интригу вокруг противостояния Шведа и Финна / Росса. Брак героев становится возможным, когда ее отец (шведский воен-

⁵ Впрочем, «Финский вестник» не пользовался читательским успехом, и гр. А. Г. Армфельд заметил Дершау, что «от журнала Финляндии никакой пользы нет» (цит. по: [Бородкин 1915: 553]).

ный) соглашается на союз между своей дочерью и финном, который к тому времени уже стал русским офицером. Этот брак должен послужить символическим залогом ненападения со стороны шведа на русского в будущем. Рассмотрим некоторые эпизоды повести.

Благодаря захвату города Або русскими войсками главный герой, приговоренный к сожжению на городской площади, был спасен. Он на время отлучается из города, а утром возвращается с возлюбленной и другими шведскими пленницами. Между ним и командующим русскими войсками кн. Голицыным происходит диалог:

- Послушай, однако ж, дружище: не дурно бы мне наконец знать, как зовут моего доброго офицера.
- Эрик Сильванус.
- Егор Сильвановский; ну, так ступай, Егорушка, да возвращайся поворнее... [Кукольник 1845: 76].

Кукольник конструирует образ финна, чей идеологический (а не психологический) портрет оказывается весьма «подвижным». Путем русификации имени автор придает герою новый статус — верноподданного Российской империи. Если в начале повести Эрик так позиционирует себя по отношению к шведам: «Мы все-таки Финны», то новое имя не вызывает у него протеста. Русскую, имперскую составляющую он беспрекословно принимает и интегрирует в исконно финскую национальную идентичность. Герой становится русским офицером, получает отчество Иванович — Кукольник изменяет этнополитическое и национальное сознание персонажа, что отражается в заглавии (повесть называется не «Эрик Сильванус», а «Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии...»).

Русификация имени была распространена в повседневной жизни и была также известным литературным приемом. Изменение исконно национального/языческого имени происходило при крещении, что отразилось в «эстонской повести» В. К. Кюхельбекера «Адо» (1824), которая могла служить одним из литературных источников для Кукольника. В основе

повести Кюхельбекера лежит фабула завоевания/защиты невесты, осложненная сюжетом о борьбе между немцами, представителями римско-католической церкви, и эстонцами, нашедшими защиту в православном Новгороде. Вслед за Юрием, бежавшим от немецких завоевателей, Адо с дочерью Маей также прибывают в Новгород. В конце повести оба героя принимают православную веру и нарекаются Марией и Адамом.

Главное отличие между Кюхельбекером и Кукольниковом заключается в трактовке идеологической роли православия. В повести «Егор Иванович Сильвановский...» православная составляющая отсутствует⁶. Кукольник помнит об официально установленной еще в 1809 г. конвенции: Великое Княжество Финляндское сохраняет местное самоуправление и вероисповедание. Повесть построена на известных литературных приемах, сюжетных ходах и идеологических клише. В этом смысловом поле Кукольник конструирует скорее желаемый, чем реальный образ финна как верноподданного Российской империи. В заключительной части повести читатель узнает, что Эрик, или Егор Иванович

вел <против шведов. — Т. Г.> партизанскую войну по прибрежью; отряд его состоял из шестидесяти молодых рекрут, в том числе были волонтеры из Финнов. Аренфельд <...> не мог понять, каким образом шайка Эрика, разъезжавшая на финских конниках, в мороз и в виду армии могла продолжать свои дерзкие, отчаянные действия [Кукольник 1845: 78].

Напомним, что в журнале «Славянин» еще в 1829 г. была опубликована статья «Финляндский поход 1808 года во время последней войны России с Швецией», в которой рассказывалось о партизанских действиях под руководством финляндского уроженца Рота, унтер-офицера Биорнеборгского полка, действовавшего, однако, *против русских*:

⁶ Булгарин в агентурной записке о Финляндии обеспокоенно предупреждал: «Финляндцы также начинают опасаться за свой язык и веру» [Видок: 517].

Рот, по мере успехов своих, становился отважнее: он учреждает засады, нападает врасплох на небольшие притины, перехватывает курьеров, собирает вооруженных поселян <...>. Русский гарнизон, состоявший из двух рот, с трудом мог от него отбиться. Таким образом, сей партизан в несколько дней успел привести Генерала *Раевского* в отчаянное положение [Финляндский поход: 310].

Кукольник, таким образом, конструирует литературную альтернативу реальному персонажу. На ментальной карте появляются два образа финна — врага России и верноподданного русского царя. В своей повести Кукольник, нарочито отнеся действие в петровскую, а не александровскую эпоху, трансформирует известный образ финского партизана, перекодирует историческую реальность кампании 1808–1809 гг. и придает новые, политически окрашенные черты национальному облику финна. Это — *верноподданный российский финн*, в этом варианте национальная идентичность неотделима от новой имперской идентичности.

На страницах «Финского вестника» было опубликовано еще одно историческое сочинение Кукольника на сюжет из петровского времени — «Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти актах в стихах». Выражение верноподданнических чувств, готовность к самопожертвованию ради исполнения возложенной царем миссии — таковы отличительные качества Паткуля, перешедшего на службу к русскому императору. В третьем акте герой, обращаясь к портрету Петра I, произносит: «Боготворимый образ человека, / Я об одном молю: не усомнись / В любви моей...» [Кукольник 1846: 65]. В результате тайного договора между Августом II и Карлом XII личный враг шведского короля и любимец русского царя Паткуль был арестован (он отказывается от бегства, так как расценивает этот шаг как предательство по отношению к Петру). В трагедии Кукольника важен заключительный идеологический аккорд. Петр приезжает на встречу к Августу II и, узнав о смерти Паткуля, «начал одеваться и горько плакать». Роза, невеста Паткуля, призывает: «И справедливый судия! Суди нас!» [Там же]. Как известно читателю трагедии, во время пытки Паткуль

пророчествует шведскому королю поражение в войне. Таким образом, Кукольник как бы связывает объявление войны Петром I Карлу XII, в том числе, с решением отомстить за смерть своего подданного.

Публикация именно этой трагедии Кукольника на страницах «Финского вестника» кажется неслучайной, если обратиться к некоторым эпизодам из биографии Г. М. Армфельда, отца министра Великого Княжества Финляндского и спонсора журнала А. Г. Армфельда. Итак, Г. М. Армфельд был обвинен в государственной измене, позднее прощен Густавом IV. В 1805 г. он занимал даже пост генерал-губернатора Финляндии. В 1810 г. Г. М. Армфельд навлек на себя новые неприятности и в 1811 г. бежал в Петербург, где получил графское достоинство и был назначен президентом комитета по финляндским делам. Ключевые моменты политической биографии Армфельда и Паткуля сходны. Хотя центральный герой трагедии является лифляндским дворянином, Кукольник создает образ и идеальную модель поведения дворянина, перешедшего на службу от иностранного монарха к русскому царю. Автор выстраивает схему отношений, в которой верность, готовность служить и жертвовать собой за монарха и Россию «обмениваются» на монаршую защиту, милости, личное внимание.

Повесть и трагедию Кукольника также связывает другая общая идея — утверждение того, что в душе нового и не принадлежащего к титульной нации подданного привязанность к Швеции разрушилась и вместо нее укоренилась любовь к Российской империи.

Материалы «Финского вестника» могли порой идеологически противоречить друг другу. В 8-м томе за 1846 г. В. И. Даль под псевдонимом «В. Луганский» опубликовал очерк «Чухонцы в Питере». Автор подчеркнул, что финские женщины «охотно называют себя Шведами и Шведками: “Я ведь из Фиборга”, обыкновенный ответ петербургской кухарки, если спросите ее, откуда она родом» [Даль: 2]. Можно осторожно предположить, что одна из функций рассмотренной выше повести Кукольника заключалась, в том числе, в конструировании альтернативного образа финна — в противовес реально

существующему представлению. Именно поэтому вопрос о «шведскости», или о мере принятия финнами новой, русской имперской идентичности выходил на первый план и стал одним из ключевых сюжетов в идеологических сочинениях разных жанров. В эпоху Николая I они предлагали русскому читателю увидеть в воевавшем против российских войск финне «правильного» (доброжелательного и искреннего) нового верноподданного империи (позднее пропагандистский сценарий изменится, что было описано в первой главе настоящей книги). Приведем пример из очерка Ф. К. Дершау «Финляндия и финляндцы»:

Ответы Финна резки, умны и обдуманно; <...> незнающий принимает за оскорбление слова его, в которые не вкрадывается и тени грубости; одним словом только не знающие Финнов могут приписывать им небывалые дурные свойства и отнимать истинные прекрасные и возвышенные, составляющие гордость благородной финской нации [Дершау: 20].

Так идеологические тексты выполняли функцию координатора мирных взаимоотношений⁷.

В четвертом томе «Финского вестника» за 1845 г. в разделе «Смесь» был опубликован отрывок из французского сочинения кн. П. Г. Гагарина «Финляндия» под заголовком «Нечто о Финляндии в 1809 году»⁸. Представленный текст был давно

⁷ Примечательно стремление автора николаевской эпохи (Дершау) затушевать негативное впечатление от контактов с финнами у представителей титульной нации. Позднее (особенно начиная с правления Александра III) в русских газетах и в отдельных брошюрах уже публиковались описания оскорбительного поведения финнов. О риторике статей на эту тему из «Московских ведомостей» см. выше параграф 1.3. первой главы.

⁸ Линия, ведущая от Гагарина до Булгарина, отражала, по мнению М. И. Соломца, «процесс “поиска наощупь” места Финляндии как нового элемента в российской имперской системе координат “свой — чужой”» [Соломец: 146]. Уточним мысль исследователя: идеологические тексты не только фиксировали расстановку сил в свете указанной дихотомии. Задача авторов заключалась в показе того, что интеграция «чужих» в общее и единое «свое» происхо-

известен читателю. В 1809 г. в «Русском вестнике» был опубликован очерк «Нечто о Финляндии в 1809 г. (заимствовано из соч. “Тринадцать дней, или Финляндия” кн. Гагарина)». В том же году в Москве вышел отдельным изданием полный вариант книги «Тринадцать дней, или Финляндия». Важно отметить, что в 1845 г. были републикованы фрагменты, относящиеся, прежде всего, к участию Александра I в Сейме в Борго, к присяге жителей Великого Княжества Финляндского русскому царю. В этих же фрагментах встречаются описания некоторых знаковых поступков монарха (монаршее помилование осужденного местным судом к смертной казни), рассуждения о прошедшей кампании. Сочинение было написано очевидцем событий, что придавало ему, с точки зрения издателей, статус исторически достоверного источника. Вместе с тем, новая публикация текста, рассказывающего об обстоятельствах присоединения Великого Княжества Финляндского к Российской империи, имела отчетливую политическую цель — подтверждение верноподданнического восторга присоединенных земель и отсутствия напряжения между окраиной и метрополией.

Текст, представляющий собой дневниковые записи, начинается с 15 марта — дня прибытия государя в Борго. Автор рассматривает прибывших на Сейм депутатов:

Какое разнообразие лиц, а может быть, чувств, желаний и мыслей! Тут были бароны, графы, дворяне, епископы, священники,стряпчие, купцы, откупщики, земледельцы. Я спросил самого себя: все ли они умеют сообразоваться с состоянием своим, и многие ли из них довольны своею участию? [Гагарин: 31]

дит естественно, добровольно — а не по указке сверху из метрополии. Идеологические тексты, по нашему мнению, имитировали успешность политики центральных властей — той самой политики, которой, с точки зрения консервативных кругов второй половины XIX – начала XX вв., в предшествующую эпоху фактически не существовало. См. о положении края в николаевскую эпоху в многотомной истории Великого Княжества Финляндского видного публициста и историка М. Бородкина, созданной в эпоху открытого кризиса финляндского вопроса [Бородкин 1915: 540–560].

Авторское сомнение в характере испытываемых представителями Финляндии чувств разрешилось в момент присяги 17 марта. Особое внимание Гагарин уделил изображению душевных порывов дворян (т. е. тех, которые поддерживали шведского короля и с которыми предстояло налаживать новые контакты):

По твердому голосу видно было, что сердца дворян клялись вместе с устами! Потом присягали духовные, стряпчие, купцы и крестьяне. <...> вне храма, голос ликующего народа, а во внутренности голос служителя небес, подтверждали постановление нового Владыки Финляндии. Казалось, что сладкозвучие органа вещало согласие душ и сердец [Гагарин: 33].

Присяга русскому монарху новых подданных и выражение чувств (переходящее во всеобщий экстаз), изображенные автором, призваны были демонстрировать всеобщую радость населения, а также послужить аргументом против шведского влияния. Описав Свеаборг, вспомнив памятные сражения за него, Гагарин приходит к выводу относительно чувств финнов к шведам:

Любя страстно отечественное имя свое, язык, обычаи, они не терпят владычества шведского и более склонны к Русским. <...> Финн ничем особенно не привязан к Швеции [Там же: 39].

Важно подчеркнуть, что механизм формирования новой имперской идентичности предполагал демонстративный отказ от принадлежности к прежней (враждебной по отношению к русской) идентичности. Поэтому Гагарин деликатно обходит известный факт партизанского сопротивления финнов российским войскам. Вместо этого появляется указание на склонность финнов к русским, которое основывается на авторских наблюдениях над их поведением в дни присяги. В заключение Гагарин подводит читателя к мысли о том, что

России столица ближе к Финляндии; следственно она удобнее может поддерживать все нравственные и политические сношения с сею областью [Там же].

Согласно автору, Россия одержала победу не только военную, но и идеологическую (завоевала симпатии местного населения). Ее успех в борьбе против Швеции был предопределен географическим положением Петербурга как более близкого и сильного цивилизаторского центра.

Вслед за Гагариным каждому автору-идеологу предстояло ответить на два вопроса: какие узы связывают окраину и метрополию и на чем основывается лояльность жителей Великого Княжества Финляндского. Конструирование взаимоотношений между русским и финном в идеологических текстах разного времени было тесно связано с проблемой интеграции Финляндии в имперское политико-административное пространство.

В 1837 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано «Письмо из Финляндии» поэта и журналиста А. Грена. В нем говорится о путешествии в Выборг. Кроме автора в кибитке едут поручик Б. и денщик Иван; кучером был чухонец (ингерманландец). Обратимся к описанию остановки у хижины одного финна:

Чухонец наш постучался в окошко, из которого показалась курчавая и белая как снег голова. «Мите те таготе?» (что вам нужно?), проворчал он похоронным голосом. «Отопри ворота, **закричал с нетерпением Иван, или я твою белую голову выдержу на улицу**».

В другой раз кучер-чухонец случайно задел спавшего Ивана, на что последний резко заметил:

Гей пергалла! что ты взбесился! <...> **тебе верно хочется подарка от моей солдатской руки. <...> от меня и не вашей братья доставалось**. Ведь я в двенадцатом году был под Бородином [Грен].

Иван как представитель титульной нации отличается грубостью и нетерпимостью по отношению к другим членам «имперской семьи», он всегда подчеркивает свою силу и превосходство в иерархии народов империи, которое выражается, прежде всего, в экспансивности и военной удали. Отношения

жителя окраины с представителем титульной нации основаны на безоговорочном подчинении.

С развитием туризма в России и повышением интереса к Финляндии постепенно переосмысляются отношения между двумя нациями, что, напр., нашло отражение в топике издаваемых в Выборге разговорников. Появившиеся книги предлагали примеры-диалоги на различные темы из повседневной жизни. Разговорник 1848 г. представлял беседу во время случайной встречи, выдержанную в благожелательном тоне (что соответствует жанру и цели книги в целом)⁹. Эффект достоверности усилен связностью приведенного диалога:

— Мы заплутались; посмотрим, примут ли нас в этот дом. — Постучись. — Кто стучится, кто там?

— Приятель, что тебе надо? — Моя телега сломалась; я заблудился. — Прошу дать мне ночлег.

— Могу ли я поговорить с вашим баринном? — Сведи меня к нему. — Да, на перекрестке мы взяли не то направление. — Я очень счастлив, что могу предложить вам убежище. — Я принимаю это с благодарностью; но боюсь быть вам в тягость. — Вам нужен покой; я отведу вас в особую комнату и распоряжусь, чтобы ваша таратайка была починена [Финские разговоры 1848: 140–142].

Диалог имплицировал высокий уровень взаимопонимания и добрые отношения между тремя нациями: финской, шведской и русской (разговорники были трехязычными).

Обратимся к другому диалогу, который (*как цельный текст*) имитировал беседу финна со шведом (или финнов /

⁹ Идеологические тексты типа путеводителя также включали постановочные сцены. Как путеводители, так и разговорники управляли восприятием читателя в диалоге с «чужим» (пространством или жителем. Подробнее об этом на примере путеводителей см.: [Киселева 2008]). Анализ риторики идеологических текстов позволит реконструировать ожидания русского от общения с финном/шведом. Такая работа может отчасти послужить решению общей проблемы: исследованию места финнов в российском сознании. Методологический подход к проблеме обозначен в [Слезкин].

шведов между собой) о русском дворянине¹⁰. В первой колонке были даны фразы на финском языке, во второй — на шведском, в третьей — на русском, таким образом, воображаемый русский как бы слышит разговор о себе:

— Кто этот господин? — Он русский дворянин. — Где он живет? — (Он живет) на Петровской улице. — Имеет ли он собственный дом? — Нет, он нанимает. — Сколько ему лет? — Я думаю, ему 25 лет.

— Женат ли он? — Нет, он холостой. — Давно ли вы уже знаете его? — Около трех лет. — Где вы с ним познакомились? — Я познакомился с ним в Риме. — Он красивого роста. — Он ни мал, ни высок.

— Он хорошо одевается. — Он вежлив, учтив и ласков со всеми. — Он играет на флейте, на скрипке и на многих других инструментах. — Когда вы желаете, чтобы мы посетили его вместе? — Когда вам угодно. — Пойдем-же завтра утром к нему. — Очень охотно (с удовольствием) [Финские разговоры 1890: 115–117].

Диалог, приведенный нами по шестому изданию, появился уже в первом издании «Финских, шведских и русских разговоров» (1848, т. е. год спустя после процитированного выше письма Плетнева).

Приведем суждение Булгарина (хотя постоянно конструировавшего *воображаемую* действительность, но глубоко знавшего и *реальное* положение дел в Великом Княжестве Финляндском). В «Воспоминаниях» автор не мог не признать очевидного:

Вековые войны, происходившие с русскими, и прежний варварский способ ведения войны укоренили в финляндцах предрассудки насчет русских. Нас почитали дикарями, почти людоедами, кровожадными и хищными, и никак не хотели верить нашему европейскому образованию, почитая всех благовоспитанных офицеров иностранцами или иноплеменными подданными России. О русском правительстве также не имели никакого понятия,

¹⁰ Здесь надо учитывать еще одну возможность: русский дворянин мог использовать *отдельные* финские или шведские фразы из этого «образцового» диалога в личной беседе.

представляя себе все в самом дурном и преувеличенном виде [Булгарин: 464].

Булгаринское размышление поясняет акценты в некоторых характеристиках русского из приведенного выше диалога. В «Разговорах» образ русского дворянина строится как антитеза негативным стереотипам, которые и предстояло целенаправленно разрушить. Поэтому и возникает образ прекрасного во всех отношениях дворянина с развитым этическим и эстетическим чувством, образованного и приятного внешне, к которому все стремятся и от общения с которым испытывают радость.

С точки зрения практической пользы приведенный диалог не имеет никакой ценности. Прагматика разговора лежит не в бытовой сфере, а в области репрезентации — рисуется положительная картина из жизни трех народов. Беседа о русском дворянине несет двойную идеологическую функцию. Во-первых, создает положительный образ титульной нации на завоеванной окраине. Во-вторых, формирует представление о благожелательном отношении покоренного населения окраины к русским представителям империи. Такой диалог позволял отвлечь внимание пользователей от отрицательных сторон в отношениях между русским завоевателем и побежденным финном и шведом, проживавшим на территории Великого Княжества Финляндского.

В официальной газете «Русский инвалид» в 1854 г. появился очерк офицера первой Гренадерской дивизии М. М. Миансарова «Дорожные впечатления от Виток до Або и Гельсингфорса»:

В деревне Кухмис мне пришлось стоять у старого ветерана Шведских войск. В Финляндскую кампанию он воевал против наших и, по присоединении Финляндии к России присягнув на верноподданство Русскому Императору. Старый воин изрядно объясняется по-немецки. **Единственное украшение его залы которая служит вместе с тем и столовой, суть портреты Государя Императора и Государыни Императрицы.** Старик принял нас с необыкновенным радушием, несколько часов сидел у нас,

беседуя о прошлом и настоящем. Утром он встал гораздо ранее нас, чтобы проститься [Миансаров: 996].

Итак, узы, связывающие представителей двух наций, основаны на преданности русскому монарху и характеризуются взаимной доброжелательностью. В идеологических нарративах выстраивался выгодный образ совместного проживания народов в одной империи, моделировались «идеальные» отношения между титульной и завоеванной нациями. Эти нарративы и служили полем, на котором происходила воображаемая успешная и окончательная интеграция завоеванного народа в имперскую «семью».

Начиная со второй половины XIX в., создаваемый в официальной идеологической практике миф о финской имперско-национальной идентичности служил инструментом в полемике между консервативными кругами метрополии и финскими патриотами. При отсутствии резких, «окончательных» решений со стороны центральных властей в отношении Великого Княжества Финляндского, идеологические тексты создавали «воображаемую позитивную» реальность, которая противопоставлялась бурному развитию финского национального движения и сепаратистских тенденций, в частности. В этом контексте обращение к эпохе Александра I и Николая I и конструирование сценок именно с этими правителями было показательным. Особенностью этих описаний является стремление представить преданность русскому царю как развивающуюся национальную черту финна.

Рассмотрим пример из более поздней эпохи, описывающий второе путешествие Александра I в Финляндию. Он заимствован нами из первой части статьи «Русские цари и финский народ. Фельетон», опубликованной в «Финляндской газете» (1900 г.)¹¹:

¹¹ О второй части статьи, где приводятся вирши финского народа, восхваляющие Николая I, см. параграф 1.3. в первой главе настоящей книги.

Между прочим, на одной из станций случился следующий эпизод, оставшийся в памяти финского народа и перешедший в легенду. Государь, утомленный дорогой, заснул в своей коляске, когда перепрягали лошадей. В это время к коляске подошла 80-летняя старушка Келло-Лиза, которая во что бы ни стало хотела увидеть Государя, пожаловавшего ей после мужа, убитого на последней войне, пенсию. Несмотря на все уговоры, старая Лиза взобралась на колеса экипажа и стала смотреть на спящего Царя. При этом она воскликнула в умилении: “Tulkaat akat kattomaan kuina tämä on tässä nukkunut levollisesti, nünknin muutki ihmiset” (подите сюда, сестрицы, посмотрите, как тихо Он здесь дремлет, точно как всякий другой человек). Государь проснулся, увидел, что коляска окружена женщинами, ласково засмеялся и подал всем им руку, причем старая Лиза потрясла Царскую руку по-крестьянски и заметила: “Kesi on pehmiä kuin pumpuli; eipä ole työ haittanut” (рука мягкая, как хлопчатая бумага; работа не испортила ее). Государь велел старой Лизе просить у Него какой-нибудь милости, но она ответила, что пришла только поблагодарить Его. Император был глубоко тронут простодушием и благородством бедной вдовы [Русские цари: 2].

Итак, финская женщина с благодарностью принимает пенсию за убитого мужа, чья смерть не мешает ей радоваться и умиляться при виде императора-завоевателя. В тексте дипломатично обойден острейший момент: муж Лизы, как и другие финские крестьяне, сражался против русских войск. Автор создает этнополитический портрет финна как верноподданного Российской империи, ставившего любовь к императору выше личного и национального чувства. Легендарная история Келло-Лизы и ее встречи с императором построена как альтернативный сценарий поведения, которого в реальности придерживались шведские дворяне.

В этой связи обратимся к случаю иного отношения вдовы побежденного солдата к императору. М. Бородкин в книге «История Финляндии. Время Императора Александра I» (1909) описал следующий эпизод. Император хотел остановиться на ночлег у вдовы шведского полковника Рамзая. Царь готов был исполнить любую ее просьбу за причиненные неудобства и военные лишения. На это вдова ответила, что последнего ос-

тавшегося в живых младшего сына она не отправит в Петербург, также заявила о своем желании переселиться в побежденную Швецию и просила у Александра I разрешения не присутствовать на присяге в Гельсингфорсе. В результате такого обидного для него поворота беседы император не остался на ночлег в доме вдовы (см.: [Бородкин 1909: 572]).

Таким образом, в результате сопоставления двух аналогичных эпизодов (легендарного и реального) у читателя формировался выгодный по отношению к финской нации образ: если шведы стремились сохранить национальную идентичность, то финский простой народ, якобы, предпочитал приобрести новую имперскую идентичность.

Как механизм создания и репрезентации имперской идентичности официальная практика была призвана сформировать в глазах читателей воображаемый идеологический консенсус между окраиной и метрополией, сконструировать позитивный образ взаимоотношений коренного, побежденного населения и титульной нации¹².

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевская: *Андреевская Л.* Поэмы Баратынского // Русская поэзия XIX века: Сб. ст. Л., 1929.
- Арсеньев: *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.
- Баратынский: *Баратынский Е. А.* Эда // Русская романтическая поэма. М., 1985.
- Батюшков: *Батюшков К. Н.* Избранная проза. М., 1988.
- Бовуа: *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
- Бородкин 1909: *Бородкин М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909.
- Бородкин 1915: *Бородкин М.* История Финляндии. Время Императора Николая I. Петроград, 1915.

¹² Перед исследователем встает, однако, следующий вопрос: в какой степени эти ментальные и сформированные литературой и идеологией представления о подвластных народах влияли на управление имперской окраиной.

- Булгарин: *Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001.
- Видок: Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998.
- Вульпиус: *Вульпиус Р.* Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII в. // *Imperium inter reges: Роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917]*. М., 2010.
- Гагарин: <*Гагарин П. Г.*> Нечто о Финляндии в 1809 году // Финский вестник. 1845. Т. 4.
- Грен: *Грен А.* Письмо из Финляндии // СПб. Ведомости. 1837. № 152.
- Гузаиров: *Гузаиров Т.* Конструирование этнополитического образа: финские «туземцы» и «верноподданные» Российской империи (в печати).
- Давыдов: *Давыдов Д. В.* Воспоминание о Кульневе в Финляндии (Из военных моих записок) (1808) // *Сын Отечества*. 1838. Т. III. № 6.
- Даль: *Даль В. И.* Чухонцы в Питере // Финский вестник. 1846. Т. 8.
- Дершау: *Дершау Ф. К.* Финляндия и Финляндцы // Маяк. 1842. Т. II.
- Долбилов: *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Еленев: *Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.
- Киселева 2006: *Киселева Л. Н.* История Ливонии под пером Ф. В. Булгарина // «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи. Тарту, 2006. Ч. 1. (=Studia Helsingiensia et Tartuensia, X).
- Киселева 2008: *Киселева Л. Н.* Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект. Тарту, 2008.
- Кукольник 1845: *Кукольник Н. В.* Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии при Петре Первом // Финский вестник. СПб., 1845. Т. 1.
- Кукольник 1846: *Кукольник Н. В.* Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти актах в стихах // Финский вестник. 1846. Т. 8.
- Лескинен: *Лескинен М.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» через призму сквозь призму идентичности. М., 2010.
- Ломоносов: *Ломоносов М. В.* Избр. соч. Л., 1986.
- Миансаров: *Миансаров М. М.* Дорожные впечатления от Виток до Або и Гельсингфорса // Русский Инвалид. 1854. № 212.

- Миллер: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
- Оскорбление русских: Оскорбление русских офицеров // Разведчик. 1893. № 159. 26 октября.
- Русские цари: Русские цари и финский народ. Фельетон // Финляндская газета. 1900. № 114; 117.
- Слезкин: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Соломец: *Соломец И. М.* От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. В. Новгород, 2004.
- Сунн: *Сунн Р. Г.* Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство нации: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011.
- Финляндский поход: Финляндский поход 1808 года во время последней войны России со Швецией // Славянин. 1829. Ч. X.
- Финские разговоры 1848: Финские, шведские и русские разговоры. *Wiipurista* [Выборг], 1848.
- Финские разговоры 1890: Финские и русские разговоры. Выборг, 1890.
- Sherry: *Sherry D.* *Kavkaztsy: Images of Caucasus and Politics of Empire in the Memoirs of the Caucasus Corps' Officers, 1834–1859* // *Ab Imperio*. 2002. № 2.